САМОУТВЕРЖДЕНИЕ НЕМЕЦКОГО УНИВЕРСИТЕТА*

Мартин Хайдеггер

Принятие ректорства есть обязательство к *духовному* веде́нию этой высшей школы. Следование учащих и учащихся пробуждается и упрочивается только от истинной и общей укорененности в существе немецкого университета. Это существо, однако, приходит впервые к ясности, достоинству и силе, если прежде всего и во всякое время вожди сами суть ведомые[1] – ведомые неумолимостью того духовного задания, которое принуждает судьбу немецкого народа отчеканиваться в его истории.

Знаем ли мы об этом духовном задании? Будь то да или нет, неотклонимым остается вопрос: *действительно* ли мы, преподаватели и студенчество этой высшей школы, истинно и сообща укоренены в существе немецкого университета? Имеет ли это существо подлинно чеканящую силу для нашего бытия? Неверное только тогда, когда это существо нам безусловно *желанно*. Кто захотел бы, однако, в том сомневаться? Обыкновенно видят господствующую сущностную черту университета в его "самоуправлении"; его надлежит сохранить. Только – продумано ли нами также вполне, что требует от нас эта заявка на самоуправление?

Самоуправление означает ведь: самим себе ставить задание и самим определять путь и способ его существования, чтобы таким образом быть тем, чем мы призваны быть. Но знаем ли мы, *кто суть мы сами,* эта корпорация учащих и учеников высшей школы немецкого народа? *Можем* ли мы это вообще знать, без постояннейшего и жесточайшего *самоосмысливания*?

Ни осведомленность в сегодняшнем состоянии университета, ни также знакомство с его прежней историей не обеспечивают уже и достаточного знания его существа – кроме как если сперва отчетливо и жестко мы очертим это существо для будущего, в таком самоограничивании будем его *волить* и в таком волении *утвердим* самих себя.

---

* Русское переложение этой важной речи Хайдеггера при вступлении его в должность ректора Фрейбургского университета 27.5.1933 уже имеется (см. *Мартин Хайдеггер*. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. С. 222–231), но воспользоваться им нам не представляется возможным. В первой же фразе там пропущены курсив под "*духовно* вести" и местоимение "э т у высшую школу", как если бы новый редактор замахивался на общее руководство высшей школой. Во второй фразе добавлено "г о т о в н о с т ь следовать в о ж д ю, словно Хайдеггер думает о фюрере или сам хочет быть таким. Утомительное своеволие современного русского перевода (см. наши заметки: Опыт сравнения разных переводов одного текста // Тетради переводчика. 1976. № 13. С. 37–46; реплику к кн. *Людвиг Витгенштейн*. Философские работы. М., 1994 // Путь. № 7. 1994 и др.) заставляет жалеть о забвении старых его принципов, блестяще оправдавших себя в славянской Библии. Мы стремимся теперь строго соблюдать строй и букву источника, никогда не привнося ничего от своего толкования. Неизбежное обеднение оригинала (ср. у Данте сравнение перевода с обратной стороной ковра) компенсируется весомостью мысли, которая, когда она настоящая, больше страдает от искажающей, чем от скудной передачи.

Самоуправление стоит только на основании самоосмысления. Самоосмысление же совершается только в силу *самоутверждения* немецкого университета. Осуществим ли мы его, и как?

Самоутверждение немецкого университета есть исконная, совместная воля к его существу. Немецкий университет значим нам как высшая школа, которая от науки и через науку берет вождей и хранителей судьбы немецкого народа для взращивания и воспитания. Воля к существу немецкого университета есть воля к науке как воля к историческому духовному заданию немецкого народа как народа, который знает сам себя в своем государстве. Научное значение и немецкая судьба должны *сразу* в сущностной воле прийти к власти. И они придут к ней тогда и *только* тогда, когда мы – преподаватели и учащиеся – *сначала* предоставим науку ее интимнейшей необходимости и когда мы затем отстоим немецкую судьбу в ее предельнейшей нужде.

Существо науки, конечно, не будет нами испытано в его интимнейшей необходимости, пока мы – рассуждая о "новом понятии науки"[2] – лишь оспариваем за некой слишком сегодняшней наукой самостоятельность и беспредпосылочность. Это исключительно отрицающее и едва заглядывающее за последние десятилетия занятие становится в конце концов видимостью настоящей заботы о существе науки.

Если мы хотим схватить существо науки, то должны сперва предстать перед решительным вопросом: суждено ли науке впредь для нас еще *быть* или мы дадим ей домчаться до скоропостижного конца? Что науке вообще суждено быть, никогда не безусловно необходимо. Если науке, однако, суждено быть и быть *для* нас и *через* нас, тогда при каком условии она может по-настоящему существовать?

Только тогда, когда мы снова поставим себя под власть *начала* нашего духовно-исторического бытия. Это начало есть порыв греческой философии. В ней западный человек одной народности в силу своего языка впервые стоит перед *сущим в целом* и опрашивает и понимает его как сущее, какое оно есть. Всякая наука есть философия, знает ли она это и волит – или нет. Всякая наука остается привязана к тому началу философии. Из него черпает она силу своего существа, при условии что вообще оказывается еще на уровне этого начала.

Мы хотим вернуть здесь *нашему* бытию два исключительных свойства исконного греческого существа знания.

У греков имело хождение старое свидетельство, согласно которому первым философом был Прометей. Этому Прометею Эсхил вкладывает в уста изречение, высказывающее существо знания:

τέχνη δ'ἀνάγκης ἀσθενεστέρα μακρῷ
(Пром. 514 изд. Виламовица)

"Знание, однако, намного бессильнее необходимости" Это значит: всякое знание о вещах оказывается заранее подчинено сверхмощи судьбы и несостоятельно перед ней.

Именно поэтому научное знание должно развернуть свое высшее упрямство, для которого только восстает цельная мощь потаенности

сущего, чтобы оказаться действительно несостоятельным. Так именно сущее открывается в своей неисследимой неизменимости и наделяет знание его истиной. Это изречение о творческом бессилии знания – слово греков, у которых слишком задешево хотят найти прообраз для чистого самоустанавливающегося и при этом самозабвенного знания, которое истолковывают нам как "теоретическую" установку. Но что есть θεωρία для греков? Говорят: чистое созерцание, которое привязано только к вещи в ее полноте и требовательности. Этому созерцательному поведению велят, апеллируя к грекам, осуществляться ради самого себя. Но эта апелляция неоправданна. Ибо, во-первых, "теория" осуществляется не ради самой себя, но единственно в страстном порыве оказаться вблизи сущего как такового и под его напором. Во-вторых же, греки боролись именно за то, чтобы понять и осуществить это созерцательное вопрошание как определенный, даже как *высший* способ "энергии", ἐνέρ – γεια, человека, его "бытия-в-работе" Они думали не о том чтобы приравнять практику к теории, а, наоборот, о том чтобы понять теорию саму как высшее осуществление настоящей практики. Для греков научное знание не "достояние культуры", а интимнейше определяющее средоточие всего народно-государственного бытия[3]. Знание для них не есть также простое средство превращения бессознательного в осознанное, а мощь, оттачивающая всю целость бытия и его охватывающая. Научное знание есть вопрошающая стойкая выдержка среди постоянно утаивающегося сущего в целом. Это действующее упорство знает притом о своем бессилии перед судьбой.

Вот начальное существо научного знания. Но не лежит ли это начало уже два с половиной тысячелетия позади? Не изменил ли прогресс человеческой деятельности также науку? Конечно! Последующее христианско-теологическое мироистолкование, равно как позднейшая математически-техническая мысль нового времени, отдалило науку по времени и по сути от ее начала. Однако тем самым начало само никоим образом не преодолено, ни тем менее сведено к ничто. Ибо если исконное греческое знание есть нечто великое, то *начало* этого великого остается его *величайшим*. Существо научного знания не могло бы даже опустошиться и истрепаться, как сегодня случилось вопреки всем достижениям и "международным организациям", если бы *все еще* не сохранялось величие начала. Начало все еще *есть*. Оно лежит не *за нами* как давно бывшее, а *предстоит* нам. Начало как величайшее заранее превышает все и таким образом нас тоже опередило. Начало вторглось в наше будущее, оно стоит там над нами как далекое распоряжение, чтобы мы снова достигли его величия.

Только когда мы решительно подчиним себя этому далекому распоряжению, чтобы вновь обрести величие начала, только тогда наука станет для нас интимнейшей необходимостью бытия. Иначе она окажется случайностью, какие с нами бывают, или покойным комфортом безопасного занятия для способствования голому прогрессу познаний.

Подчиним мы себя, однако, дальнему распоряжению начала, – тогда

наука должна стать основным событием нашего духовно-народного бытия.

И если само наше собственнейшее бытие стоит перед великой переменой, если истинно то, что сказал страстно идущий Бога последний немецкий философ Фридрих Ницше: "Бог умер", – если мы не в шутку должны принять эту оставленность сегодняшнего человека посреди сущего, как обстоит тогда с наукой?

Тогда изначально удивленное упорство греков перед сущим превращается в совершенно неприкрытую подставленность потаенному и незнаемому, т.е. достойному вопроса. Спрашивание есть тогда уже не только предолеваемая ступень подхода к ответу как знанию, но спрашивание само становится высшим образом знания. Спрашивание развертывает тогда свою собственнейшую силу раскрытия существенности всех вещей. Спрашивание понуждает тогда к предельнейшему опрощению взгляда на не-обходимое.

Такое спрашивание разбивает закупорку наук в раздельные специальности, выручает их из безбрежнего и бесцельного расеяния по одиночным областям и углам и складывает науку снова непосредственно из плодотворности и благословения всех мирообразующих сил человечески-исторического бытия, как они есть: природа, история, язык; народ, нравственность, государство; поэзия мысль, вера; болезнь, безумие, смерть; право, хозяйство, техника.

Будет у нас воля к существу науки в смысле *спрашивающего, неприкрытого устояния посреди неизвестности сущего в целом*, – и *эта* сущностная воля создаст нашему народу его мир интимнейшей и предельнейшей опасности, т.е. его истинно *духовный* мир. Ибо "дух" не есть ни пустая догадливость, ни необязывающая игра остроумия, ни безудержная гонка рассудочных разграничений, ни даже мировой разум, а дух есть исконно настроенная, знающая решимость к существу бытия. И *духовный мир* народа не есть ни надстройка определенной культуры, равно как и не кладовая применимых познаний и ценностей, но он есть мощь глубочайшего сбережения его земных и кровных сил как мощь интимнейшего возбуждения и широчайшего потрясения его бытия. Духовный мир один служит народу залогом величия. Ибо он принуждает к тому, чтобы постоянный выбор между волей к величию и дозволением упадка стал законом шага для того марша, каким наш народ вступил в свою будущую историю.

Волим мы это существо науки – тогда учительство университета должно действительно выдвинуться на предельнейшие посты опасности постоянной неизвестности мира. Устоит оно там, т.е. возникнет у него оттуда – в сущностной близости к напору всех вещей – общее вопрошание и общественно настроенное сказывание, тогда оно станет сильным для водительства. Ибо решающее в веде́нии – не пустое опережение, но сила для умения идти в одиночестве, не из своенравия и властолюбия, но в силу глубочайшей призванности и широчайшей обязанности. Такая сила связывает с существенным, создает отбор лучших и пробуждает настоящее следование[4] тех, у кого есть новое мужество. Но нам нет надобности впервые пробуждать это следование. Немецкое студенчество на марше. И

кого оно ищет, так это тех вождей, через которых оно свое собственное признание возвысит до обоснованной, знающей истины и возведет в ясность толково-деятельного слова и труда.

От решимости немецкого студенчества устоять перед немецкой судьбой в ее предельнейшей нужде приходит воля к существу университета. Эта воля есть истинная воля, поскольку немецкое студенчество через новое студенческое право[5] само ставит себя под закон своего существа и тем самым впервые очерчивает это существо. Дать закон самому себе есть высшая свобода. Многовоспетая "академическая свобода" из немецкого университета изгоняется; ибо эта свобода была неподлинной, потому что лишь отрицающей. Она означала преимущественно неозабоченность, произвольность намерений и склонностей, несвязанность в действии и бездействии. Понятие свободы немецкого студента возвращается теперь к своей истине. Из нее развертываются впредь связанность и служба немецкого студенчества.

Первая связанность – с народной общностью. Она обязывает к сотрудничеству и содеятельному участию в тяготах, стремлениях и умениях всех состояний и членов народа. Эта связанность отныне закрепляется и внедряется в студенческое бытие через *службу труда*[6].

Вторая связанность – с честью и миссией нации среди других народов. Она требует обеспеченной знанием и умением и дисциплинированной готовности к жертве до последнего. Эта обязанность охватит и пронижет впредь все студенческое бытие как *служба обороны*.

Третья связанность студенчества – с духовным заданием немецкого народа. Народ этот работает над своей судьбой, выдвигая свою историю в открытость сверхмощи всех мирообразующих сил человеческого бытия и всегда заново отвоевывая себе свой духовный мир. Выставленный так в предельнейшую проблематичность собственного бытия, народ этот хочет быть духовным народом. Он требует от себя и для себя в своих вождях и охранителях отчетливейшей ясности высшего, широчайшего и богатейшего знания. Студенческая молодежь, рано дерзающая на возмужание и простирающая свою волю на будущую судьбу нации, понуждает себя по сути к службе у этого знания. Для нее *служба знания*[7] уже не сможет быть тупой и спешной дрессурой ради "престижной" профессии. Поскольку государственный человек и учитель, врач и судья, священник и архитектор ведут народно-государственное бытие, охраняя и оттачивая его в его коренных отношениях к мирообразующим силам человеческого бытия, постольку эти профессии и воспитание для них препоручены службе знания. Знание не стоит на службе у профессий, но наоборот: профессии затребуют и осваивают то высшее и сущностное знание народа о всем своем бытии. Но это знание есть для нас не успокоенное принятие к сведению неких самосущностей и самоценностей, а острейший риск нашего бытия посреди сверхмощи сущего. Проблематичность бытия вообще вынуждает у народа работу и борьбу и понуждает его в его государство, которому принадлежат профессии.

Все три привязанности – *через* народ *к* судьбе государства *в* духовном задании – в немецкой сути *равнозначальны*. Три отсюда возникающих

служения – служба труда, служба обороны и служба знания – равно необходимы и равны.

Содействующее знание о народе, держащее себя наготове знание о судьбе государства впервые только создают воедино со знанием о духовном задании исконное и полное существо научного знания, осуществление которого нам задано, – при условии, что мы подчиняем себя дальнему распоряжению начала нашего духовно-исторического бытия.

Это научное знание подразумевается, когда существо немецкого университета очерчивается как высокая школа, которая из научного знания и через научное знание берется воспитывать и дисциплинировать вождей и хранителей судьбы немецкого народа.

Это исконное понятие научного знания обязывает не только к "объективности"[8], но прежде всего к существенности и простоте вопрошания посреди исторически-духовного мира народа. Да – только отсюда и может истинно обосновать себя объективность, т.е. найти свою суть и границу.

Наука в этом смысле должна стать образующей силой организма немецкого университета. Здесь лежит двоякое: учительство и студенчество должны прежде всего каждый раз по-своему быть *захвачены* понятием науки и захваченными *остаться*. Одновременно, однако, это понятие науки должно преобразующе вторгнуться в основные формы, внутри которых учащие и ученики всякий раз научно деятельны в сообществе: в *факультеты* и *специализированные отделения*[9].

Факультет есть факультет лишь когда он развертывается в способность духовного законодательства, укорененную в существе своей науки, чтобы теснящие *ее* силы бытия преобразовать в *единый* духовный мир народа.

Отделение есть отделение только когда оно заранее помещает себя в область этого духовного законодательства, взрывая тем самым ограниченность своей специальности и преодолевая затхлость и неистинность внешней профессиональной дрессуры.

В момент, когда факультеты и отделения дают ход существенным и простым вопросам своей науки, учащие и ученики тоже охвачены уже *той самой* последней неотвратимостью и бременем народно-государственного бытия.

Прообразование исконного существа науки требует, однако, такого размаха строгости, ответственности и покоряющего терпения, что рядом с ним какое-нибудь совестливое соблюдение или ретивое реформирование готовых методик едва обладает весом.

Если, однако, грекам потребовались три столетия только чтобы поставить на верную почву и в надежную колею сам *вопрос*, что такое знание, то *мы* никак не вправе мнить, что прояснение и развертывание существа немецкого университета воспоследуют в текущем или следующем семестре.

Но *одно*, конечно, мы знаем из обрисованного существа науки, что немецкий университет только тогда оформится и окрепнет, когда три службы – служба труда, обороны и знания, – возвращаясь к истоку, сумеют собраться в *одну* образующую силу. Это значит:

Существенная воля учительства должна пробудиться и окрепнуть до простоты и широты знания о существе науки. Существенная воля ученичества должна взнести себя до высшей ясности и дисциплины знания и, требуя и обусловливая, встроить и свое знание о народе и его государстве в образ существа науки. Обе воли должны взаимно подвигать себя на *борьбу*. Все возможности воли и мысли, все силы сердца и все способности тела должны развертываться *через* борьбу, возрастать *в* борьбе и сберегаться *как* борьба.

Мы выбираем знающую борьбу вопрошания и исповедуем с *Карлом фон Клаузевицем*: "Я отказываюсь от легкомысленной надежды на спасение от руки случая"[10].

Общность в борьбе учащих и учащихся только тогда, однако, претворит немецкий университет в место духовного законодательства и выработает в нем средоточие строжайшей собранности для высшего служения народу в его государстве, когда учащие и ученики учредят свое бытие проще, суровее и непритязательнее, чем все другие соотечественники[11]. Всякое водительство должно признать за следованием собственную силу. Всякое же следование несет в себе противостояние. Эта сущностная противоположность в водительстве и следовании не должна ни затушевываться, ни тем более угашаться.

Борьба одна только содержит противоположность открытой и насаждает во всем корпусе учащих и учеников то фундаментальное настроение, от которого решительное самоосмысление уполномочивается самоограничивающим самоутверждением к истинному самоуправлению.

Волим мы существо немецкого университета или мы не волим его? От нас зависит, будем ли мы и насколько будем трудиться ради самоосмысления и самоутверждения от основания, а не только попутно, или же – с наилучшими намерениями – будем лишь менять старые распорядки и налаживать новые. Никто не помешает нам делать это.

Но никто и не спросит нас, волим мы или не волим, если духовная сила Запада откажет и он затрещит по швам, если отжившая мнимая культура рухнет, затянув в свою воронку все силы и дав им задохнуться в помешательстве (Wahnsinn)[12].

Произойдет ли такое или не произойдет, зависит только от того, волим мы еще и вновь сами себя как исторически-духовный народ – или мы уже себя не волим. Каждый в отдельности решает здесь *тоже*, в том числе тогда и именно тогда, когда уклоняется от этого решения.

Но мы волим, чтобы наш народ исполнил свое историческое задание.

Мы волим сами себя. Ибо юная и юнейшая сила народа, давно перехлестывающая через нас, *уже* решение о том *вынесла*.

Великолепие и величие этого прорыва мы, однако, полностью поймем только если сумеем нести в себе ту глубокую и широкую вдумчивость, из которой сказано слово древней греческой мудрости:

τὰ... μεγάλα πάντα ἐπισφαλῆ...
"Все великое стоит в буре ..."[13]
(*Платон*, Государство 497 d 9)

ПРИМЕЧАНИЯ*

[1] Можно заметить, что во всем тексте ректорской речи слово Führer ни разу не появляется в том исключительном смысле, в каком оно обычно применялось на протяжении гитлеровского периода, т.е. как имя, зарезервированное за "верховным вождем", по-немецки – *der* Führer. В § (абзаце) 40, непосредственно перед заключением речи, где ректор сосредоточивает суть своей мысли, выдвинуто условие, без которого "ведущие" и "ведомые" просто не оказываются в доброкачественных взаимоотношениях. Хайдеггер говорит об обязательности сопротивления ведомых: оно принадлежит к основным чертам, в каких для самих же руководителей проявляется направление, в котором ведущие и ведомые могут взаимодействовать.

[2] "Новое понятие науки" отсылает к дискуссии, начавшейся в немецких университетских кругах задолго до 1933. С приходом Гитлера к власти "новое понятие науки" становится объектом исключительно узкого определения в качестве "политизированной науки", т.е. "науки" на службе национал-социалистского "мировоззрения" Хайдеггер резюмирует дискуссию, показывая ее принципиальную недостаточность. О контексте этой дискуссии см. Bracher/Sauer/Schulz. Die nazionalsozialistische Machtergreifung. Köln; Opladen: Wesdteutscher Verlag, 1962. S. 318 f.

[3] Dasein. Дело идет о центральном понятии хайдеггеровской мысли, развернутом в "Бытии и времени" (1927). Вместе с тем слово Dasein в немецком имеет совершенно обычное понимание и применение, означая просто *существование*. В ректорской речи Хайдеггер применяет слово Dasein одновременно в общепринятом смысле и согласно пониманию, делающему из него сердцевину его собственной мысли.

[4] Gefolgschaft. Этот термин имел в нацистской терминологии особенно исковерканную карьеру (можно прочесть на этот предмет великолепный анализ, который ему посвящает Виктор Клемперер в главе XXXIII своей книги: *Klemperer V* Lingua tertii imperii. Leipzig: Re lam, 1975). Он составляет вместе с тем часть словаря, который нацисты непосредственно заимствовали у молодежных движений, развернувшихся в Германии с большой широтой и огромным разнообразием изобретательного политико-социального экспериментирования с конца XIX века и вплоть до падения Веймарской республики. Нацизм сделал из этого термина эмблему и прославление слепого послушания в рамках отношений, где Führung и Gefolgschaft проявляют себя только в единственном смысле, как отмечает Виктор Клемперер (op. cit. S. 259): "Как поступает образцовое Gefolgschaft? Оно не рассуждает, оно не имеет душевных состояний – оно повинуется" Хайдеггер, говоря о "настоящем следовании", недвусмысленно обозначает контекст, в котором отношения между руководством и следованием развертываются подобающим образом (см. прим. 1). Удивляет сближение – но также и дифференциация – с соображениями Симоны Вейль, например в этом тексте 1937 (Oeuvres complètes, II 3, p. 58): "Столкновение между давлением снизу и сопротивлением сверху вызывает таким образом постоянно неустойчивое равновесие, определяющее в каждый момент структуру общества. Это столкновение – борьба, но оно не война". Различие между мыслью М. Хайдеггера и Симоны Вейль в данном пункте то, что для первого *сопротивление* есть дело народа, т.е. той части общества, которая не стоит у власти, тогда как для Симоны Вейль, – странным образом верной здесь римской мысли (ср. Цицерон: "Principuum munus est resistere... – обязанность первых ⟨среди граждан⟩ в том, чтобы сопротивляться"), сопротивление есть специфически дело тех, кто осуществляет власть.

[5] Речь идет о требовании, которое студенческие союзы неоднократно выдвигали с начала Веймарской республики, чтобы юридически закрепить свое желание участвовать в управлении университетом. "Академическая свобода", о которой говорится тремя строками ниже, имеет в виду не свободу учебных занятий, а – особенно в песнях студенческих корпораций XIX в. – превознесение наследниками правящих классов беззаботности "студенческой жизни".

[6] Arbeitsdienst. Хайдеггер в 1933 безусловный сторонник "службы труда" для студентов. Что касается самой этой институции, следует иметь в виду, что с обострением экономического

---

* Любезно предоставлены профессором Франсуа Федье. Сокращенный перевод с французского наш (*В.Б.*).

кризиса во всем мире шли поиски новых способов предоставления работы безработным, число которых возрастало в геометрической прогрессии. В Германии с 1930 г. группа прогрессивных интеллектуалов, вдохновителем которых был Эуген Розеншток-Хюсси (эмигрировавший впоследствии в Соединенные Штаты), предлагает создание "Добровольной службы труда", которая и была действительно учреждена в 1931 г. канцлером Брюнингом. При нацистском режиме *служба труда* станет в конечном счете (закон от 26 июня 1935 г.) обязательной. В 1933 г. она пока еще, стало быть, добровольна.

[7] Wissensdienst. Это напоминает выражение, дорогое молодому Вальтеру Беньямину, – Dienst am Geist, *служение духу*.

[8] Sachlichkeit. Слово с трудом поддается передаче. Хайдеггер берет его в кавычки, что означает здесь, что это термин, применение которого особенно привязано к эпохе. Начиная с 1925 г. реакция некоторого числа художников (например Отто Дикс, Георг Грош и др.) против экспрессионизма приняла имя "Neue Sachlichkeit" ("новая объективность", или "новый реализм"). Но Sachlichkeit, на которую ссылается Хайдеггер, это позиция в области науки, когда дело идет о том, чтобы держаться фактов, не давая увлечь себя слишком смелым теоретическим конструкциям. *Объективность* есть, собственно, поведение, исключительно озабоченное вещью, о которой стоит вопрос (die Sache-res). Видно таким образом, что в отношении Sachlichkeit Хайдеггер предлагает ту же радикализацию, которую он осуществил в отношении феноменологии.

[9] Fachschaft. Перегруппировка студентов по предмету или изучаемой дисциплине (das Fach) должна была, по замыслу ректора Хайдеггера, заменить ассоциацию студентов по политической близости.

[10] Небесполезно вспомнить о принципиальном различении у Клаузевица между тактической целью войны, победой над врагом, и конечной целью стратегии, достижением мира.

[11] Volksgenosse. Это слово обычно принимают за типический термин нацистского словаря. Действительно, отталкиваясь от коммунистического обращения Genosse (товарищ), нацисты применяли именование Volksgenosse, буквально "товарищ по ⟨одному и тому же⟩ народу". Но если обратиться к истории немецкой социал-демократии, то надо констатировать, что выражение Volksgenosse по происхождению было аутентично рабочим именованием. Оно встречается под пером социал-демократических руководителей во время немецкой революции 1918. Для первого президента Веймарской республики Фридриха Эберта это нормальное обозначение тех, кого мы называем "соотечественниками". Нацисты здесь, как почти везде, лишь исказили смысл выражения, авторами которого не являлись.

[12] Хайдеггер разделяет с большим числом крупных фигур нашего века подлинную тревогу перед растущей путаницей, которая овладевает человеческим обществом в целом. Если ограничиться Францией, то Шарль Пеги, Жорж Бернанос и Симона Вейль, например, вскрывали в современном обществе, каким оно, похоже, неотвратимо становится с начала индустриализации, глубокие тенденции, которые только пугливый отказ открыть глаза упрямо принимает за прогресс. В конце текста Par ce demi-clair matin (датируется 1905 – *Péguy Ch.* Qeuvres en prose complètes, Pléiade, II, p. 222) Пеги пишет фразу: "...в тот самый момент, когда современный мир трещит повсюду". Здесь, в § 43 ректорской речи, Хайдеггер прибегает к почти идентичной формуле: Запад трещит по всем швам. Здесь нет никакого преувеличения. Роза Люксембург (цитируемая у Симоны Вейль, Oeuvres complètes, t. II, 1, p. 301) говорила о современной эпохе, когда "весь мир выходит из пазов" Лев Троцкий за три месяца до своего убийства говорил о "сумасшедшем доме Европы". Но аллюзией этого конца ректорской речи остается предпоследнее гельдерлиновское письмо Гипериона к Беллармину: "muß nicht jede Kraft in sich ersticken – не неизбежно ли, чтобы всякая сила задохнулась в самой себе"

[13] До сих пор часто "оспаривают" этот перевод платоновской фразы. Хайдеггер передает прилагательное глагольной перифразой, показывая типический пример своей переводческой манеры. Прилагательное множественного числа среднего рода ἐπισφαλῆ словарь Лиддел–Скотта объясняет через "prone to fall – всегда на грани падения". Хайдеггер переводит: "steht im Sturm" – точно в том смысле, в каком у Лафонтена дуб "бросает вызов буре". Ректорская речь, таким образом, завершается цитатой, замечательно подытоживающей весь ее замысел. Хайдеггер только что сказал (§ 45): "Мы волим, чтобы наш народ исполнил свое историческое задание" Это задание совпадает с

революцией, которая прежде всего есть революция знания, революция философская. Без философии, не перестает повторять Хайдеггер на протяжении десяти страниц, никакое подлинное революционное государство не может сложиться. Эти две задачи – революционизировать знание и революционизировать общую жизнь – тем более трудны, что они воздействуют (хотя и совершенно асимметричным образом) друг на друга. "Все великое стоит в буре" призвано прояснить "фундаментальное настроение", о котором говорится в § 41. Настроение это никоим образом не "энтузиастическое" Напротив, соответственно важности цели оно свойственно состоянию всякого существа, которое, трудясь ради прихода чего-то поистине великого, переступает порог, после которого возвращение назад невозможно. Тогда становится видно, что великое угрожаемо со всех сторон: не только извне, но – что еще серьезнее – в нем, как во всех, из-за неисчерпаемой мощи отката.

Перевод В. Бибихина, примеч. Ф. Федье

ТЕЗИСЫ К ВОПРОСУ ОБ ОБНОВЛЕНИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ*[1]

Карл Ясперс

План:

I. Общая часть.
   1. Основные черты унаследованной нами немецкой идеи университета.
   2. Утраты.
   3. Современная ситуация.
   4. Задача.
   5. Возникшие в последние десятилетия новые акценты основной идеи университета.
   6. Институциональные возможности.

II. Институциональные изменения.
   1. Модус обучения.
   2. Управление университетом.
   3. Трудовая повинность и военно-прикладной спорт.
   4. Отбор (Экзамены).
   5. Отдельные профессиональные области.

III. Опасности.
   1. Тенденции эпохи, в совокупности своей воздействующие на снижение уровня.
   2. Ошибочная оценка границы институционального.
   3. Абстрактная аргументация.

© В. Кононов, перевод, 1995

* Перевод выполнен по: *Jaspers K.* Thesen zur Frage der Hochschulerneuerung // Jahrbuch der Österreichischen Karl-Jaspers-Gesellschaft. Jahrgang 2. Wien: VWGÖ, 1989. S. 5–28.